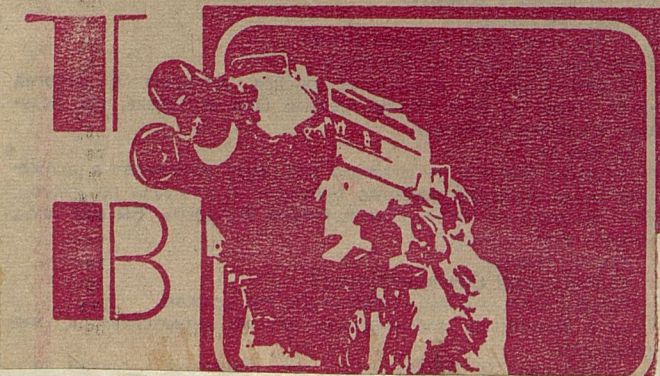

ИНТЕРВЬЮ
8-й СТРАНИЦЫ

КРИСТИАН-ЖАК СМОТРИТ ПО СОВЕТСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ ФРАНЦУЗСКИЙ ФИЛЬМ: «Я ХОТЕЛ БЫ СНИМАТЬ ФИЛЬМЫ О ДРУЖБЕ»

ФРАНЦУЗСКИЙ РЕЖИССЕР КРИСТИАН-ЖАК ХОРОШО ЗНАКОМ СОВЕТСКИМ ЗРИТЕЛЯМ ПО МНОГИМ ПОЛЮБИВШИМСЯ ИМ ФИЛЬМАМ — «ФАНФАН-ТЮЛЬПАН», «КРАСНОЕ И ЧЕРНОЕ», «ПАРМСКАЯ ОБИТЕЛЬ», «ЕСЛИ ПАРНИ ВСЕГО МИРА», О СОЮЗЕ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ С РЕЖИССЕРОМ БЕСЕДУЕТ КИНОКРИТИК АЛЕКСАНДР БРАГИНСКИЙ.

ТАКОЕ случается нечасто.

Мы вместе смотрим «Пармскую обитель» по советскому телевидению. Словно по заказу, в дни, когда Кристиан-Жак приехал в Москву, по четвертой программе давали его давнишний фильм.

Кристиан-Жак — прекрасный зритель. Трудно было поверить; ведь именно он когда-то сказал мне, что видит в своих давних картинах одни недостатки. Нет, он смотрел с нежностью, как старый отец на молоденькую дочку. Но был сдержан в своих комментариях. На экране во всем своем декорационном величии предстала башня Фарнезе, в которой заключен Фабрицио и откуда он бежит, спускаясь по веревке («Поверь: сегодня и подумать нельзя о такой роскоши!»).

Как ему работало с Жераром Филипом?

«Легко и радостно! Отказавшись от дублера в сцене бегства, сам спустился с высоты сорок метров по веревке. После второго дубля руки были в крови! Современные «премьеры» вряд ли согласятся на такое!»

И он опять пристально вглядывается в экран, где Фабрицио прощается с Клецией. И мне кажется, что глаза его заволакиваются не только дымкой воспоминаний... Когда все кончается, он вдруг говорит:

— А фильм ничего! И копия прекрасная!

Картина эта вышла 33 года назад. Думаю, увидеть свое детище спустя столько лет по советскому телевидению было приятно старому режиссеру.

(«Прекрасный дубляж, поверь, я ведь помню интонации своих антеров. Совсем не раздражает, хотя именно это чувство я чаще всего испытываю, когда вижу дубляжи своих фильмов».)

И весь наш дальнейший разговор невольно вращался вокруг телевидения и кинематографа. Соперники? Собратья? Их место в нашей жизни?

— Почему вы теперь чаще работаете для телевидения?

— Потому что хотел бы снимать такие фильмы, которые как раз чаще создают в СССР, — это фильмы о дружбе людей, о сближении народов, о взаимопомощи в беде, о мире. У нас такие фильмы сделать труднее — другой мир, другие нравы... Просто цепенеешь, когда слышишь рассуждения наших кинопродюсеров о рентабельности и посещаемости: во главу угла они ставят только денежные вопросы. У нас очень, очень трудно стало работать. Но я по-прежнему предан таким человеческим чувствам, как любовь, верность, юмор, — я сам первый готов смеяться, если это только возможно.

Сейчас мне предлагают сделать картину о современной молодежи. Я еще не дал согласия. Но мне было бы интересно рассказать о молодых. А им, надеюсь, услышать, что я о них думаю. Но главным образом меня интересует давний замысел — постановка фильма «93-й год» по Гюго. Вероятно, я выгляжу смешным, но вот уже четыре года подряд не перестаю повторять всем о давней своей мечте. Я большой поклонник Гюго. Люблю его романы. И особенно «93-й год», в котором рассказано об эпохе Французской революции. Я задумал этот фильм как совместную постановку с СССР. Советские коллеги выразили согласие сразу. А вот французские продюсеры все время находят разные увертки. Но я упрям, хотя и не бретонец, а чистокровный парижанин. «93-й год» у меня во чреве, и рано или поздно я рожу его. Только вместе с советскими коллегами!

— Но это для кино. Во Франции есть немало режиссеров, которые отказываются работать на телевидении. Это правда?

— Правда. Хотя ТВ — искусство удивительное по своим возможностям и выразительности, по силе воздействия. Кино — более старое, здесь уже есть давние традиции. Существенная разница между ними: кинозрителя на-

до еще заставить выйти из дома. Он должен ехать на метро или в автобусе до кинотеатра, смотреть фильм, немало заплатив за него. С ТВ все проще — тут мы сами входим в дом телезрителя. Иным и работа для него кажется едва ли не второстепенной. Но это не так.

Я могу поставить в упрек современному французскому кино то, что оно не дает нынешним постановщикам возможности ставить широкие полотна, фрески из жизни людей. Вот американцы перед лицом конкуренции телевидения решили ставить картины, которые никогда не смогут сделать на ТВ. И вкладывают огромные средства в постановку картин, предназначенных только для большого экрана, — картин, которые на телеэкране «не смотрятся». У нас же сегодня режиссеры на ТВ делают то же, что их собраты в кино. Но какой интерес телезрителю идти в кино смотреть то же, что он может увидеть дома, где ему так спокойно, где он сидит в кресле в халате и туфлях! И фильмы проваливаются. Исключения составляют полицейские истории, потому что они интригуют зрителя. Но кино было создано для другого. Конечно, это развлечение. Но развлечение возвышающее, оно должно чему-то учить, приобщать к прекрасному. А не играть на мерзости, не копошиться в грязи.

— Можно ли сегодня сделать фильм, подобный вашей давней картине «Если парни всего мира»?

— Трудно повторять то, что тебе дорого. Сколько раз мне предлагали повторить «Фанфана!» Но при этом нас подстерегает опасность разочаровать зрителя, особенно если прежде снимался такой актер, как Жерар Филип. Надо признать, нам не хватает «серого вещества», времени и таланта на поиски других сюжетов такой же моральной силы!

— Другие ваши конкретные планы?

— В течение шести меся-

цев я снимал для ТВ семисерийный фильм «Жажда Индии». Действие начинается в Англии, откуда в XVII веке на поиск более короткого, чем морской, пути в Индию отправляются два молодых англичанина. Их маршрут идет через Францию, Швейцарию, Италию, Египет, Саудовскую Аравию, Йемен. Парусные суда проходили путь из Лондона в Бомбей за полгода — наши герои продавали его за три месяца. Об их приключениях — а это фильм приключенческий — и пойдет рассказ. О фильме, посвященном молодежи, я уже мимоходом сказал. В прошлом году я сделал для «ТФ-1» — первой программы французского телевидения — сериал, рассказывающий о деятельности таможенников. В нем было шесть новелл. Фильм имел успех в разных странах, в частности в Болгарии. Для болгарского ТВ я дал интервью, с которого начнется демонстрация фильма. Сейчас меня просят сделать продолжение — на семь часов (семь серий).

— И кановы впечатления в ходе этой работы? Что вас поразило, например?

— Незаконный перевоз через границу эмигрантов, в частности негров. Мощенники «продают» их работодателям, которые платят эмигрантам ничтожные деньги — ведь они нелегальные, — эксплуатируют их труд, наживаются на этом. Таким же образом во Францию попали многие турки и трудятся в ужасных условиях. Это страшно.

— Вы сделали для ТВ фильм о Марселе Карне — почему?

— В знак восхищения автором «Набережной туманов» и «Детей райка» (оба фильма были в советском прокате. — А. Б.). Фильм решается в жанре кинопортрета. Я рад возможности написать такой портрет, включая в картину фрагменты из прекрасных фильмов Карне, а у него их немало. Попутно я хотел отдать дань уважения Жаку Преверу, который был

его сценаристом и с которым мне тоже посчастливилось работать.

— Вы намерены продолжать работу в таком жанре?

— Нет. Я эклектик. И стараюсь не делать одно и то же. В сущности, я человек очень любопытный — таким ведь и должен быть режиссер. Я люблю смотреть и слушать. Я скорее застенчив, чем разговорчив. И лучше выражаю себя в кинообразах, чем в словах. Хотя это и не всегда заметно... Телевидение открывает мне много разных возможностей. Они еще не все обнаружены, смею уверить. А раз так — значит, буду снимать для ТВ, пока хватит сил.

— Словом, да здравствует союз кино и телевидения!

— Именно! Это два искусства, которые призваны сосуществовать, дополняя друг друга, помогая друг другу — во имя тех, кому они предназначены, то есть зрителей. Важно только, чтобы фильмы были высокого качества, чтобы они возвышали, а не унижали человека, служили бы высоким идеалам добра и мира.